

В сущности, Елагин читает эпистолу «О стихотворстве» так же, как Третьяковский и Ломоносов, т. е. не как образцу дидактической поэзии, а как сатиру. В атмосфере полемики, характерной для литературной жизни России середины XVIII века, это было естественно. Такому прочтению способствовала нечеткость жанровых границ между дидактическим стихотворением и сатирой. Есть еще одна причина. Своим сжатым изложением классицистической поэтики Сумароков стремится повлиять на взгляды современников. Но основы этого учения были неизвестны в России лишь той необразованной части литературной публики, к которой обращены примечания в конце сумароковской эпистолы. Читатели же, имевшие возможность сопоставить эту эпистолу с текстом Буало и оценить ее язык в сравнении с французским оригиналом, как раз с классицистической доктриной были знакомы: ее основные черты были известны не только из «Поэтического искусства», но и из других произведений французского⁴⁶ и немецкого (Готшед) классицизма. Хотя Сумароков в целом ряде пунктов отходит от учения Буало, он делает это как бы естественно, избегая, всякий раз вступать в полемику с ним. Здесь нет никакого стремления к спору. Иное дело — эпистола «О русском языке». В ней Сумароков настоятельно рекомендует поэтам использовать выразительные возможности церковнославянского языка (I, 132 и сл.), прекрасно сознавая при этом, что выступает против господствующего мнения (I, 120 и сл.).⁴⁷ Его эпистола «О русском языке» — самостоятельная трактовка спорного вопроса. Она и была серьезно воспринята Третьяковским: несмотря на то что его упрек в плагиате относится и к этой эпистоле, со взглядами Сумарокова на язык он впоследствии нередко полемизирует.⁴⁸ Иначе обстоит дело с эпистолой «О стихотворстве». В теоретическом отношении она явно не претендует на самостоятельность. Правда, то же самое можно сказать и о ее образце: основные положения «Поэтического искусства» Буало во Франции 1670-х гг. были давно известны. Однако для французского читателя они впервые были изложены с таким стилистическим совершенством: Буало владел искусством афористически сжатой и меткой формулировки, и этот дар в значительной степени содействовал успеху «Поэтического искусства» у современников и потомков. Сумароков таким талантом не обладал. Обороты Буало стали пословицами не только во Фран-

⁴⁶ Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts.

⁴⁷ Подробнее см. Klein J. Sumarokov und Boileau... S. 292—295.

⁴⁸ Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Третьяковского: (Эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Russian Linguistics. 1984. № 8. P. 90 и сл., 109, 93 (примеч. 13), 114 (примеч. 38).